

Любовь НОВИКОВА

Родилась в селе Надежда Ставропольского края в 1959 году. По окончании ставропольского строительного техникума приехала в Ярославль. В 1988 году заочно окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор четырех поэтических сборников — «Сирени цвет» (1988), «Лицом в ладони» (2000), «Молитесь обо мне» (2004), «Я зажгу свечу» (2009). Стихи печатались в журналах «Наш современник», «Звезда», «Волга», «Русь», «Русский путь на рубеже веков», в коллективных сборниках, в современных поэтических антологиях, в местной периодике.

«Другой судьбы у птицы нет»

Слову

Всему, что не Оно, я отвечаю: нет.
И словно прорвалось молчанье долгих лет,
Не знающее речь лукавых средин.
Из глуби всех глубин.
Сквозь щели всех плотин.

Оно мне и под рост. Оно мне и под стать.
Мне с ним ночей не спать.
Пиров не пировать.
Разгадчицею стать небесных теорем.
Оно подскажет мне — откуда и зачем.

Оно мне — по душе. Оно мне — по рукам.
Мне без Него весь мир — не более чем хлам.
Пусть изношусь до дыр. Пусть проиграюсь в прах.
Пока Оно со мной — я — князем во князьях.

Оно мне Бог и Дух. И мой насущный хлеб.
За то, что, как в чертог, Оно в мой душный склеп
Доверчиво летит синицею в ладонь.
Меня хоть разорви. Ну а Его — не тронь.

Я сроду не была ходящей в поводу.
А перед Ним при всех я в ноги упаду:
Благодарю за честь — сгореть в Твоем огне.
Спасибо, что ко мне. Спасибо, что по мне.

* * *

Наплакалась — и снова петь.
Огню — гореть. Траве — шуметь.
А птице, ей — летай да пой.
У птицы нет Судьбы другой.

Ее гнездо — на всех ветрах.
На всех снегах. На всех дождях.
В нем вряд ли кто найдет приют —
С чужими птицы не живут.

Крыло с крылом, как с тьмою свет.
Другой судьбы у птицы нет.
А вскинешься о том жалеть,
То не летать тебе, не петь.

Все — радость, боль, беду, тоску, —
Все — в Слово. А потом — в строку.
Потом — в размер. Потом — в Судьбу.
Все — перекладиной к столбу.

И столб — уже не столб, а крест.
От сердца к сердцу благовест.
А если Слово — не в Судьбу,
Пойдешь к позорному столбу.

Другой Судьбы у птицы нет.
Все, что не в Слово, — под запрет,
Коль два крыла тебе в Судьбу
На перекладину к столбу.

* * *

А вышивка пошла легко, красиво.
Игла порхала ветрено и просто.
Я поднялась самой себе на диво
Чуть выше человеческого роста.

И как-то сразу научилась думать
Не так, как все. Да, видно, не на пользу.
Рожденную летать, мой век угрюмый
Все гнет к земле и заставляет ползать.

Пигмеи всеплетей и всеязычий
Диктуют — кем мне быть и что мне значить.
Такая, видно, моя доля птичья.
Такая, видно, жизнь моя собачья.

Но я не стану петь под ваше ухо.
Мне не по нраву ваш размер метровый.
Не вашим вычурным медвежьим слухом
Судить мое неласковое слово.

Я — не для вас. Мой час еще не пробил.
Мой век еще не зачат Мирозданьем.
Я здесь одна. Не в славе, но во злобе.
Сама себе — закон и наказание.

* * *

Так и живу я, век свой невлюбля.
Уйти. Ушла б. Да, вроде, рановато.
Который день я мучаю тебя,
Божественная Лунная соната.

Неверный слух, как грубые тиски,
Перевирает ноты и созвучья.
Так раздирают бабочку в клочки
Прожорливые челюсти паучья.

А чем мне жить до смертного конца?
Чем мне дышать? Какой корысти ради?
Так пусть хотя бы лунная пыльца
На строчки мои смутные осядет.

Железного бездушья сквозняка
Все выдули с низин и до верховий.
Чтоб мне не задохнуться от тоски,
Я рву твою сонату на куски.
Прости меня, о, Людвиг ван Бетховен.

* * *

Мне надо это рассказать кому-то.
(Но не тебе. Нет, ты меня не тронь.)
Вчера на кладбище морозным утром
Мне голубь сел снежинкой на ладонь.

Как будто бы и впрямь за крошкой хлеба.
(Вам — все корысть. Вы — все о пятаках.)
Ко мне вчера в ладонь спустилось небо.
И я его держала на руках.

Со мной такого не было ни разу.
(Кому, кому об этом рассказать?)
Своим пугливым голубиным глазом
Смотрело небо прямо мне в глаза.

Из-под надгробий, темных и тяжелых,
Мне вечный мир крестами угрожал.
А у меня сидел в ладони голубь
И лапками по ней перебирал.

Его глазок, доверчивый и круглый,
Небесными мерцаньями играл.
Я голубя держала, словно друга.
И голубь от меня не улетал.

О чем мы с ним в то утро ворковали,
О чем смеялись, плакали о чем,
Одни кресты, одни надгробья знали.
Тебе ж довеку не узнать о том.

* * *

Не пересохнет горло родника.
Не оскудеет щедрая рука,
Пока есть ждущие воды и хлеба.
Дорога ляжет в ноги беглеца.
А мне — лишь небо, небо без конца.
Пока я есть на свете, будет небо.

Здесь мой приход. Здесь Богу я молюсь,
Когда строкой горячею давлюсь,
Свою судьбу переплавляя в чудо.
И если ты взойдешь под этот кров,
Чтоб дать мне новых мук для новых слов,
Я и тебе тогда молиться буду.

Да будет праведен мой всякий грех.
Ведь я сюда пришла не для утех.
Не спросливы мои мольбы и требы.
Я у земли ни слова не спрошу.
Я только небом на земле дышу.
Я буду жить, покуда будет небо.

* * *

В соавторы. В посредники. На плаху.
В поводыри. В солдаты. В пастухи.
За то, что ты последнею рубахой
Стал для меня. Что все мои стихи —

Они твои. Твоей сочатся кровью
Слова и строки всех моих стихов.
Ты вправе данью обложить любой
Сокровища добытых мною слов.

Ты можешь предъявить права наследства,
И я не вправе буду отказать.
Ведь ты — мое единственное средство
Не задохнуться и стихи писать.

Я — лишь рука, ведомая тобой.
Я — только след, оставленный тобой.
И если я хотя б чего-то стою,
То власть — твоя. И трон — по праву твой.

А ты живешь. И ничего не знаешь.
Храни, судьба, твой царственный покой,
Мой день воскресный. Жила золотая,
Что без меня была б пустой рудой.